

УДК 321.01

А.И. Лысюк

*д-р полит. наук, доц., проф. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: ailysiuk@list.ru*

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КОНЦЕПЦИИ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА

Критическому анализу подвергаются работы русского философа Н. Бердяева, посвященные проблематике русской революции. Отмечается, что, согласно мнению Бердяева, ключевыми ее творцами выступили русская интеллигенция и русские марксисты, создавшие и предложившие обществу утопические и ложные социальные проекты. Главным их недостатком являлись атеизм, материализм, аморализм и чрезмерный эгалитаризм. Бердяев указывает и на душевную предрасположенность русского человека, в том числе и иррациональную, к социальным потрясениям, а также на присущие его душе противоречивость, склонность к крайностям и радикальным способам социального переустройства.

Введение

Николай Бердяев принадлежит к числу крупнейших российских философов конца XIX – первой половины XX в., но и представляет когорту мыслителей, которая, начиная с Достоевского, масштабно и глубоко исследовала социально-политические процессы, связанные с проблематикой русской революции. Особую ценность научным изысканиям выдающегося русского философа придает то, что, с одной стороны, сам Бердяев был современником (исследователем, участником и жертвой) происходивших в стране социальных потрясений. С другой стороны, его теоретическим постулатам изначально был свойственен дар политического пророчества, заключавшийся не только в обосновании неизбежности революционных изменений, но и в убежденности, что они приобретут трагические для российского государства и народа проявления и формы.

Практически все труды Бердяева посвящены проблеме судьбы России, ее настоящего и будущего, существенным образом были производными от идеи и практики Октябрьской революции 1917 г. О России и революции в его работах речь заходит даже в том случае, когда исследуются отвлеченные, на первый взгляд, от политических проблем метафизические вопросы: творчество, метафизика свободы, самопознание, вера, религия, сознание и др.

Применительно к теме русской революции его социальному творчеству присущи три особенности. Во-первых, Бердяев ее рассматривает в логической цепочке, в которой существуют три узла: 1) изучение кануна русской революции (статья в «Вехах» и сборник «Судьба России»); 2) анализ причин самой революции, что называется, по «горячим следам» (статья в сборнике «Из глубины»); 3) более детальное исследование содержания самой революции и ее продукта – советской системы («Истоки и смысл русского коммунизма», «Царство духа и царство кесаря» и др.).

Во-вторых, анализ революционных практик русского народа основан не на изучении экономических факторов, тем более в их марксистской трактовке, а на персоналистском подходе, направленном по своей природе на исследование души человека, которая посредством объективации трансформирует и социально-политические отношения. В своей философской автобиографии «Самопознание» Бердяев отмечает: он был всегда персоналистом, его «всегда мучили... вопросы о смысле жизни, о свободе, о назначении человека, о вечности, о страдании, о зле», в его философии центральное место

занимала проблематика объективации не только в эсхатологическом, но и в онтологическом значении [1, с. 74, 90].

В-третьих, обращаясь к работам русского философа, нельзя не согласиться с В. Шкодой, утверждавшим, что Бердяев является в первую очередь моралистом-метафизиком и «пафос *долженствования* у него всегда преобладал над пафосом *бытия*» [2, с. 3]. Поэтому при оценке любого общественного события он непременно использует нравственные, религиозные и иные ценностные критерии.

Особое значение для данного исследования имеют две работы Бердяева – «Судьба России», посвященная психологии русского народа, метастазам его духа и души в период радикальных социальных трансформаций, и «Истоки и смысл русского коммунизма», в которой изучается цепь метафизических причин, обусловивших революционный переворот в стране, формирование советской системы. Философом объясняются неутешительные итоги социалистического строительства в СССР, поскольку они радикально отличались от провозглашенного большевиками коммунистического идеала.

Русская интеллигенция как творец русской революции

Первоначально отметим, что уже в своих ранних трудах неизбежность (и необходимость) русской революции Бердяев обосновывал не экономическим материализмом и детерминизмом, а, с одной стороны, идеологическими, даже философскими императивами, продуцируемыми русской интеллигенцией, а с другой – абсолютными нравственными ценностями, которые должны были выступить базисом социально-политических преобразований в стране.

В работе «Философская истина и интеллигентская правда», опубликованной в сборнике статей «Вехи» (1909), указывается на колоссальный риск для будущего России, заложенный в далеких, на первый взгляд, от актуальных общественных обстоятельств философских исканиях, субъектом которых является российская интеллигенция, поскольку политические практики напрямую определяются господствующими в обществе идеологическими доктринами, философскими концепциями.

В чем же обвиняется Бердяевым русская интеллигенция как субъект общественных смыслов и отношений России начала XX в.?

Во-первых, и это самое главное, в отходе от истины и служения ей. Тех же персон, которые посвятили свою жизнь и творчество созданию «независимого знания», «возвышающегося над общественной злобой дня», в российском интеллектуальном обществе, по его мнению, подозревают в реакционности, в измене народу и народному делу. По убеждению Бердяева, немалая часть интеллигенции в своих работах продуцирует ложь, что неизбежно приведет страну и к социальной деструкции.

Во-вторых, в чрезмерном философском утилитаризме, ориентированном на удовлетворение потребностей и запросов определенных общественных сил, что предполагает ее изоляционизм и оторванность от мировых философских традиций и тенденций. Как отмечает Бердяев, «интерес широких кругов интеллигенции к философии исчерпывался потребностью в философской санкции ее общественных настроений и стремлений». В основе этого интереса находилось лишь то, «благоприятна или нет» конкретная «теория идее социализма» [3, с. 28–29].

В-третьих, на качестве философского знания негативным образом сказался эгалитарный тренд русской интеллигенции, ее «народопоклончество» – первоначально крестьянству, а впоследствии пролетариату, что неизбежно привело к искажению процесса поиска истины.

В-четвертых, Бердяев констатирует, что, несмотря на все публичные декларации о любви к человеку «из народа», русская интеллигенция, отрицая Бога и являясь преимущественно атеистической, в действительности оказалась неспособной к человеко-

любию, поскольку «подлинная же любовь к людям есть любовь не против истины и Бога, не жалость, отрицающая достоинство человека, а признание родного Божьего образа в каждом человеке» [3, с. 31].

В-пятых, в понимании Бердяева, роковую роль сыграло и неправильное, превратное, чрезмерно «субъективное» прочтение экономического материализма и марксизма, в котором его позитивная производственно-созидательная сторона была отодвинута на второй план. На первый же была поставлена его *субъективно-классовая сторона*, основанная на исключительной любви к равенству, распределению и уравниванию, вере в близость социалистического общества, которое будет построено в России даже раньше, чем на Западе, что противоречит логике развития производительных сил и производственных отношений в марксистском понимании.

В-шестых, совершенно искусственным и ложным оказалось деление философии на «пролетарскую» и «буржуазную», на «левую» и «правую», утверждение двух истин (полезной и вредной), что явилось проявлением ее (интеллигенции) умственного, культурного и нравственного разложения.

В конечном счете, констатирует Бердяев, все это привело к драме русской интеллигенции, аберрации ее сознания, так как она «дорожила *свободой* и исповедовала философию, в которой нет места для свободы, дорожила *личностью* и исповедовала философию, в которой нет места для личности, дорожила *смыслом прогресса* и исповедовала философию, в которой нет места для смысла прогресса, дорожила *соборностью человечества* и исповедовала философию, в которой нет места для соборности человечества, дорожила *справедливостью* и всякими высокими вещами и исповедовала философию, в которой нет места для справедливости и нет места для чего бы то ни было высокого» [3, с. 40].

Существует ли из этого выход? Да, убежден Бердяев, но только в том случае, если, с одной стороны, русская интеллигенция осознает свою виновность и освободится от внутреннего рабства, а с другой – избавится от пут, исказивших ее душу и умертвивших инстинкт истины: человекопоклонства и атеистичности сознания.

Марксизм и его роковая роль в русской революции

Значительную (и роковую) роль в новейшей истории России, по убеждению Бердяева, сыграл марксизм. Проблема заключается не столько в том, что он архаичен, не соответствует императивам современных научных философских знаний, искаженно отражает социальную действительность.

Главная проблема заключается в том, что марксистское учение претендует на то, чтобы быть религией, «идущей на смену христианству, претендует ответить на религиозные запросы человеческой души», т.е. стать цельным мировоззрением, дающим ответы на все вопросы жизни, определяющим смысл жизни человека, призванным, в конечном счете, привести к принудительному единству мысли. Для достижения этой цели марксизм требует «прежде всего изменения сознания. Религиозные верования должны быть уничтожены не тюрьмой, расстрелом и гонением, а революционизированием сознания» [4, с. 129–130].

Укоренение марксистской доктрины в российскую почву (и душу) приводит к серии разрушающих Россию эффектов. Ключевой проблемой марксизма, по убеждению Бердяева, выступает то, что идея коммунизма является социальной утопией, а следовательно, она не только неосуществима и бессмысленно расточает жизненные силы общества, но и неизбежно приведет Россию к социальной трагедии и отсталости.

В представлении Бердяева, настоящий «кошмар русского марксизма» выражается и в том, что, отрицая Бога, он одновременно отрицает и всякого человека как Его (Бога) образ и подобие, на котором изначально лежит печать божественности. Подоб-

ное отрицание включает в себе смерть свободе человека, которая по своей природе, имея «примат над бытием», действует как Свобода-Дух, творчески освобождая, преобразуя и возвышая конкретного индивида. Все это «превращает коммунизм в силу дегуманизирующую, враждебную человеку» [4, с. 145].

У Бердяева существуют и основательные моральные претензии к марксизму, который, по его убеждению, вдохновляется вовсе не состраданием к народу и жертвой во имя его освобождения и спасения. Он пишет: «Коммунисты любят подчеркивать, что они противники христианской, евангельской морали, морали любви, жалости, сострадания. И это может быть и есть самое страшное в коммунизме» [4, с. 135]. Это с одной стороны. Но с другой – речь идет не об отказе русскими марксистами от морали как таковой. Бердяев констатирует, что моральный компонент отчетливо представлен в концепции Маркса, который осудил бесчеловечность капиталистического режима и для которого понятие эксплуатации является не только моральным, но и экономическим. Действительно, у марксистов отчетливо выражен страстный мотив негодования против несчастий и страданий, которым подвергаются обездоленные и угнетенные. Однако их изначальный атеизм приводит к тому, что они «не могут принять Творца, сотворившего злой, несовершенный, полный страдания мир. Они сами хотят создать лучший мир, в котором не будет таких несправедливостей и страданий... Для революционера все морально, что служит революции... революционер уничтожает всех, кто мешает ему достигнуть цели» [4, с. 35, 52]. При том что коммунистические партии ведут беспощадную борьбу с религией, в реальности эта борьба вызвана не столько тем, что религиозные принципы враждебны марксистской идее, сколько стремлением самого коммунизма приобрести многие черты религиозной системы и стать верой, но уже противоположной христианству. Поэтому, по убеждению Бердяева, русская революция является прежде всего феноменом духовно-религиозным, а только потом – социально-политическим. Для него очевидно, что завоевать и организовать власть, подчинив себе «рабоче-крестьянские массы», невозможно только силой оружия и чистым насилием.

Такая убежденность русского философа основана на выделении им совокупности религиозных черт, имманентно присущих марксизму: а) строгая догматическая система; б) разделение на ортодоксию и ересь; в) приобретение трудами Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина статуса священного писания, так как они могут быть лишь «источниками», но не подвергаться сомнению; г) разделение мира на две части – верующих в марксистскую доктрину и неверующих в нее; д) перенесение совести от индивида в высшие партийные инстанции; е) фанатизм верующих; ж) отлучение и даже расстрел «еретиков»; з) признание первородного греха (эксплуатации); и) символическое «омирщвление» «Бога христианского», его замещение на «земного Бога», который выступает в образе сильного и властвующего над миром организованного пролетариата и его партии; к) целостность мирозерцания и скрепляющих его символов; л) присутствие качества мессианства сродни еврейскому мессианству и провозглашение, почти по Достоевскому, что «русский человек – всечеловек, что дух России – вселенский дух» [5, с. 15]; м) государство вместо церкви призвано охранять образ человека от «демонов природы» и «звериных стихий».

Для Бердяева абсолютно неприемлемо и заложенное в марксизме отрицание ценности аристократического духа, аристократических идеалов «благородства, породы, качества». Коммунистическая идея настаивает на доминанте эгалитарности, на «духе большинства». Русский философ исходит из иного принципа: подобный подход совершенно непродуктивен, тем более учитывая то обстоятельство, что «разрушение исторической иерархии и исторической аристократии не означает уничтожения всякой иерархии и всякой аристократии. Образуется новая иерархия и новая аристократия... И господство черни создает свое новое избранное меньшинство, свой подбор лучших и силь-

нейших в хамстве, князей и магнатов хамского царства» [6, с. 582–583]. В конечном счете все это приводит к утверждению в российском обществе провинциального, партикуляристического духа.

Бердяев указывает и на то, что марксизм неизбежно способствует понижению культурного уровня индивидов, страны в целом, воспринимая духовные ценности как иллюзии сознания, производные от материального фактора и отражающие экономическую структуру общества, а дух выступает только в качестве иллюзии плохо организованной материи. По его убеждению, «остаётся необъясненным, каким образом материальная реальность переходит в реальность интеллектуального и духовного порядка, каким образом экономика может перейти в познание или нравственность» [5, с. 308]. И это не отвлеченная философская проблема. С точки зрения Бердяева, доминанта материализма естественным образом приводит не только к понижению уровня духовной культуры общества. Существует угроза признания великой духовной культуры прошлого, великих произведений творческих гениев продуктом эксплуатации. Этому процессу способствует и то обстоятельство, что, по убеждению русского философа, марксизм содержательно является философией блага, а не ценностей. По этой причине для марксистов непонятен разговор о ценностях и их иерархии, поскольку в их философской системе существуют только необходимость, польза и благо.

Несмотря на то, что Бердяев провозглашает доктрину марксизма совершенно устаревшей, он одновременно констатирует, что она является чрезвычайно динамичной, обладает большой энергетикой и существенным влиянием в качестве демагогического пропагандистского оружия. Но эта динамичность в силу ее ложности заключает и серьезные социальные риски для России.

Психологические и духовные основания русской революции

Бердяев справедливо отмечает, что революция и захват власти большевиками были бы невозможны без переворота в душе народа. Тем более в ситуации, когда большевистская революция освободила, раскрепостила ранее скованные «народные силы» и призвала их к исторической активности, «историческому делу», социальному творчеству, обнаружив в русском народе огромную витальную силу.

Бердяев подчеркивает, что роковую роль в выработке нового душевного (и антропологического) типа русского человека, призванного к господству в революции, сыграла Первая мировая война, сформировавшая у представителей «рабоче-крестьянской среды» склонность к «нигилистическому цинизму на моральной основе», готовность переносить военные методы на организацию повседневной жизни и практиковать методическое насилие и жестокость, поскольку у них «мотивы силы и власти вытеснили старые мотивы правдолюбия и сострадательности. В этом типе выработалась жесткость, переходящая в жестокость» [4, с. 101].

Предпосылки же к этому новому «душевному типу», вызвавшему к жизни «духи русской революции», были изначально заложенными в русском сердце. По убеждению Бердяева, эти «духи» были точно обозначены и описаны великими русскими писателями Н.В. Гоголем, Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым и актуализировались в определенных, трагических для России, исторических обстоятельствах. Остановимся на этом подробнее. Бердяев указывает на то, что гению Гоголя «дано было открыть отрицательные стороны русского народа, его темных духов, все то, что в нем было нечеловеческого, искажающего образ и подобие Божие... Тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре». В русской революции в полной мере раскрылась и проявилась «все та же старая, вечно гоголевская Россия, нечеловеческая и полужвериная Россия харь и морд... Тщетны оказались надежды, что... личность человеческая подыметесь во весь рост после того как падет самовластье... Нет уже само-

державия, а русская тьма и русское зло остались» [7, с. 59–60]. В представлении Бердяева, Гоголь искал красоту в русском человеке, но так ее и не смог обнаружить. И если структуры и ценности прежнего социального организма, Российской империи сдерживали проявление многих не самых лучших качеств ее жителей, то их уничтожение привело к окончательному падению человека и «изолгание бытия правит революцией», «злые духи, которых видел Гоголь в их статике, вырвались на свободу и учиняют оргию» [7, с. 62].

Бердяев также доказывает, что Достоевский выступал пророком русской революции. Именно он первый обнаружил, что русская революционность есть феномен метафизический и религиозный, и главная ее проблема – это вопрос о Боге и бессмертии («Если Бога нет, то все позволено»). Великий писатель раскрыл, что природа русского человека является благоприятной почвой для антихристовых соблазнов, бесов, которые в революции порождают свое темное царство: а) соблазн превращения камней в хлеб, б) соблазн социального чуда, в) соблазн царства этого мира. Религия же социализма говорит словами Великого Инквизитора: «Все будут счастливы, все миллионы людей». И эта религия порождает «рабов необходимости» и «детей праха».

Русский социализм в концепции Достоевского, отмечает Бердяев, мыслится не больше и не меньше как окончательное устройство общества в его идеальности, как утверждение Царства Божьего в земном варианте, что не может не рассматриваться как бунт против Бога.

Достоевский видел особым духовным зрением, что русская революция будет страшной и трагичной, безрадостной и жуткой, мрачной и с «правом на бесчестье», поскольку в «массе народной» преобладает «смердяковский тип», что не может не привести к политическому торжеству «лакеев, ненавидящих Россию». Образ России у Достоевского, как отмечает Бердяев, безусловно, противоречив, вызывает противоположные чувства и двоится: «Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством. Бесконечная любовь к людям, поистине Христова любовь, сочетается с человеконенавистничеством и жестокостью. Жажда абсолютной свободы во Христе (Великий Инквизитор) мирится с рабской покорностью» [5, с. 11].

Бердяев указывает и на то, что Достоевский открыл и показал личностную одержимость, оккультную обремененность русских революционеров, делающую их «нравственными идиотами», и что ими владеют «не человеческие духи». Обращаясь к образу Петра Верховенского, Бердяев пишет: «Бесы окончательно овладели им и сделали его своим послушным орудием... Он поддался соблазнительной лжи, допустил бесов овладеть своей душой и потерял элементарное различие между добром и злом, потерял духовный центр» [7, с. 73]. Выдающийся русский философ убежден, что идеям Достоевского свойственно и анархическое начало, что было скрыто за его внешне консервативными политическими взглядами, и его монархизм принадлежит к анархическому типу, поскольку настаивает на теократической утопии, должной «преодолеть государство» и утвердить «Царство Божье».

Бердяев настаивает и на том, что «русская революция являет собой своеобразное торжество толстовства», связавшего воедино русский морализм и русский аморализм и зафиксировавшего широкий спектр болезней русского нравственного сознания, а именно: а) отрицание личной нравственной ответственности и нравственной дисциплины; б) «слабое развитие чувства долга и чувства чести»; в) отсутствие осознания нравственной ценности личных качеств, и в целом «русский человек не чувствует себя в достаточной степени нравственно вменяемым», будучи чрезмерно погруженным в коллектив; г) он не чувствует неразрывной связи между своими правами и обязанностями; д) его моральная настроенность характеризуется болезненными претензиями ко всему

окружающему; е) «ему труднее всего почувствовать, что он сам – кузнец своей судьбы»; ж) он движется истребляющей моралью максимализма и дышит ненавистью ко всему историческому; з) наполнен иступленной эгалитарной страстью, в то время как мир сложен, иерархичен, многообразен и разнокачественен; и) следует антигосударственным анархическим инстинктам (для него государство – источник зла, в то время как оно изобличает грех и ставит ему пределы); к) склонен к идеализации простого народа как источника правды [7, с. 79, 81–82].

В силу того, что Л. Толстой в своих произведениях позитивно относится к этим качествам русского человека и всячески их поддерживает, Бердяев утверждает, что великий русский писатель мешал народному и развитию в России нравственно ответственной личности и потому был злым ее гением и соблазнителем. По его убеждению, толстовская мораль расслабила русский народ, лишила его мужества и достоинства в суровой исторической борьбе, убила в нем инстинкт силы и славы, но оставила инстинкт эгоизма, зависти и злобы. Бердяев отмечает, что «именно Толстой потребовал безумия в жизни, именно он не хотел допустить никакого компромисса между Богом и миром, именно он предложит рискнуть всем», что потенциально заключало риск радикализации революционного процесса [8, с. 157–158].

Одновременно в заслугу Л. Толстому Бердяев ставит то, что он раскрыл и продемонстрировал миру совокупность «нигилистических бесов», овладевших в предреволюционную эпоху русским народом, а именно: беса лжи и подмены, беса равенства, беса бесчестия, беса отрицания, беса непротивления и многих других. В конечном счете Бердяев, отмечая, что в русской революции проявляется великие грехи и соблазны, раскрытые великими русскими писателями, верит, что у низко павшего русского народа скрыты и великие возможности, а путь к национальному возрождению «лежит через покаяние, через сознание своих грехов, через очищение духа народного от духов бесовских» [7, с. 89].

В представлении русского философа, в большевистской революции в полной мере и «в дурном смысле» проявилось также иррациональное душевное начало, «темное вино», не поддающееся рациональным объяснениям. Оно выступает в действиях людей как скрытая сила, безумная и опьяненная, как стихия непросветленная и не поддающаяся просветлению, отрицающая «трезвую правость». Эта сила способствует превращению России в мятежную страну и более того порождает жуткий, не желающий знать конкретной формы, совсем не эллинский – «варварский дионисизм», сопровождающийся взрывом необузданных страстей животной и божественной природы русского человека. По этой причине русский бунт является пламенной, огненной стихией, неведомой другим нациям и народам.

В представлении Бердяева душе русского человека по ее природе исторически присущи крайности: в ней достаточно сильно были представлены ангельское и звериное начала, их вечные колебания, но традиционно недостаточно было раскрыто человеческое, гуманистическое. В своем «ангельском» проявлении русский человек в социальной стихии бывает упоен неведомыми западным народам святостью, бескорытием, жертвенностью, может быть устремлен к абсолютному, «последнему и окончательному», поиску абсолютной и божественной правды и спасения для всего мира. Но в меньшей степени он может быть «упоен грехом, низостью». Однако, как отмечает русский мыслитель, «в природно-историческом процессе царит относительное и среднее. И потому русская жажда абсолютной свободы слишком часто приводит к рабству... и русская жажда абсолютной любви – к вражде и ненависти» [5, с. 32]. В этом отношении русская революция выступает как чисто национальная и азиатская, тем более что в ней существуют «мистические реакции» против прав и достоинства личности.

Очевидно, что социальные ориентации русского человека в ту или иную сторону зависят от уровня его культуры, от степени присвоения гуманистических ценностей. Этот «варварский дионисизм» приобрел огромную силу, поскольку, по мнению Бердяева, в ходе войны произошло значительное понижение уровня культуры населения страны. Поэтому русская революция оказалась грубой, и большевики продемонстрировали «уродливые выражения лица и жесты», поскольку были переполнены ненавистью и мстительностью, уродливыми по своей природе и им, в отличие от французских революционеров, не были свойственны ни риторика, ни театральность. Однако это иррациональное начало русской души, проявляющееся в революционной стихии, вполне поддается рационализации, если политиками выбраны верные смыслы и символы. По убеждению Бердяева, «иррациональные стихийные силы могут принять формы крайней рационализации. Таковы свойства революции. Революция всегда лишь результат взрыва иррациональных сил. И вместе с тем революция всегда стоит под знаком рациональных идей, тоталитарной рациональной доктрины... Миф революции, которым она движется, есть обыкновенно рациональный миф, он связан с верой в торжество социального разума, с рациональной утопией» [5, с. 330]. Идея коммунизма в ее рациональных аргументах и символах оказалась достаточно органичной для того, чтобы овладеть социальными массами и отдать предпочтение, образно говоря, «машине» вместо Бога.

Бердяев исходит и из того, что на ходе революции и ее последствиях существенным образом сказалось и то, что русский народ в своем большинстве не является «мужественным строителем» и что его природа определяется как женственная, пассивная и покорная, традиционно ищущая и ждущая жениха, мужа, господина. И в первую очередь эта пассивность и «рецептивная женственность» проявляются по отношению к государственной власти и ее руководителям. В силу того, что она «вечно бабья», то и стремится к подчинению превосходящей ее силы, которую в полной мере продемонстрировали большевики и их лидеры. Это предопределяет принадлежность России к «лидерскому типу обществ», в котором «недостаток социального порядка компенсируется лидерством (монарха, диктатора, харизматика). Поэтому лидерское общество чрезвычайно зависимо от личных особенностей главы страны» [9, с. 23]. Ключевая его функция – «пьяной и темной дикости» противопоставить государственную волю, принуждающую к культуре, порядку, самодисциплине.

Заключение

Критический взгляд Бердяева на истоки и смысл русской революции основывается на нескольких соображениях. В первую очередь, он указывает на историческую вину русской интеллигенции, которая «заболела» атеизмом и «народополконством», а следовательно, предложила обществу утопические социальные проекты, основанные на лжи, отходе от социально-философской истины и на политической конъюнктуре.

В его представлении роковую роль в детерминации революции оказала и марксистская доктрина в ее российской (большевистской) версии, поскольку выступила в роли социального соблазна, обещая ни больше ни меньше социальное чудо и рай на земле. Для того чтобы появилась вера в то, что небеса, образно говоря, «упали на землю», необходимо было радикальным образом трансформировать душу русского человека, искоренив в ней религию, мораль и народную традицию.

Бердяев указывает и на то, что исторически в русском человеке существовала душевная предрасположенность к революционной стихии, описанная в произведениях Гоголя, Достоевского и Л. Толстого и пробудившая в 1917 г. «духи русской революции» и иррациональное «темное вино», овладевшие массами.

Неудача коммунистического проекта в России объясняется Бердяевым как результат отхода в жизни русского человека от приоритета ценностей к приоритету блага, от духовного и культурного к материальному и утилитарному.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев. – М. : Мысль, 1991. – 224 с.
2. Шкода, В. В. О человеке, который ставил свободу выше Бога / В. В. Шкода // Философия свободы. – М., 2004. – С. 3–23.
3. Бердяев, Н. А. Философская истина и интеллигентская правда / Н. А. Бердяев // Вехи. Интеллигенция в России : сб. ст. 1909–1910. – М., 1991. – С. 24–42.
4. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
5. Бердяев, Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М. : Совет. писатель, 1990. – 348 с.
6. Бердяев, Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев // Философия свободы. – М., 2004. – С. 477–728.
7. Бердяев, Н. А. Духи русской революции / Н. А. Бердяев // Из глубины : сб. ст. о русской революции. – М., 1990. – С. 55–89.
8. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев // Самопознание : сочинения / Н. А. Бердяев. – М., 2005. – С. 13–258.
9. Пригожин, А. И. Патологии политического лидерства в России / А. И. Пригожин // Обществ. науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 23–29.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.01.2019

Lysiuk A.I. Russian Revolution in the Conception of Nikolai Berdyaev

In the article, the works of the Russian philosopher Nikolai Berdyaev devoted to the Russian revolution are subjected to a critical analysis. According to the Russian philosopher, its (revolution) key creators were Russian intelligentsia and Russian Marxists, who had been creating and proposing to society utopian and false social projects. Their main disadvantage was atheism, materialism, amoralism and excessive egalitarianism. Berdyaev points out to the spiritual predisposition of Russian people, including irrational, to social upheavals, as well as to an inconsistency inherent to their soul, inclination to extreme and to radical ways of social reorganization.